

О.Генри

Сердце Запада
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Сердце запада (сборник)

«ФТМ»

1907

О. Генри

Сердце запада (сборник) / О. Генри — «ФТМ», 1907

ISBN 978-5-4467-2315-7

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Через Индийский океан пролегает к нам теперь новый путь – золотистый днем и серебристый по ночам. Смуглые короли и принцы выискали наш западный Бомбей, и почти все их пути ведут к Бродвею, где есть что посмотреть и чем восхищаться. Если случай приведет вас к отелю, где временно находит себе приют один из этих высокопоставленных туристов, то я советую вам поискать среди республиканских прихвостней, осаждающих входные двери, Лукулла Полька. Вы, наверное, его там найдете. Вы его узнаете по его красному, живому лицу с веллингтонским носом, по его осторожным, но решительным манерам, по его деловому маклерскому виду и по его ярко-красному галстуку, галантно скрашивающему его потрепанный синий костюм, наподобие боевого знамени, все еще развевающегося над полем проигранного сражения. Он оказался мне очень полезным человеком; может быть, он пригодится и вам. Если вы будете его искать, то ищите его среди толпы бедуинов, осаждающих передовую цепь стражи и секретарей путешествующего государя – среди гениев арабских дней с дико горящими глазами, которые предъявляют непомерные и поразительные требования на денежные сундуки принца...»

ISBN 978-5-4467-2315-7

© О. Генри, 1907

© ФТМ, 1907

Содержание

Поставщик седел	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

О. Генри

Сердце Запада

(рассказы из авторского сборника)

Поставщик седел

(Перевод Эвы Бродерсен)

Через Индийский океан пролегает к нам теперь новый путь – золотистый днем и серебристый по ночам. Смуглые короли и принцы выискали наш западный Бомбей, и почти все их пути ведут к Бродвею, где есть что посмотреть и чем восхищаться.

Если случай приведет вас к отелю, где временно находит себе приют один из этих высокопоставленных туристов, то я советую вам поискать среди республиканских прихвостней, осаждающих входные двери, Лукулла Полька. Вы, наверное, его там найдете. Вы его узнаете по его красному, живому лицу с веллингтонским носом, по его осторожным, но решительным манерам, по его деловому маклерскому виду и по его ярко-красному галстуку, галантно скрашивающему его потрепанный синий костюм, наподобие боевого знамени, все еще развевающегося над полем проигранного сражения. Он оказался мне очень полезным человеком; может быть, он пригодится и вам. Если вы будете его искать, то ищите его среди толпы бедуинов, осаждающих передовую цепь стражи и секретарей путешествующего государя – среди гениев арабских дней с дико горящими глазами, которые предъявляют непомерные и поразительные требования на денежные сундуки принца.

Первый раз я увидел мистера Полька, когда он спускался по ступенькам отеля, в котором имел пребывание его высочество Гайквар Бароды,¹ самый просвещенный из всех индусских принцев, которые за последнее время пользовались гостеприимством нашей западной метрополии.

Лукулл быстро двигался, как бы приводимый в действие какой-то могущественной моральной силой, которая неминуемо грозила превратиться в физическую. За ним по пятам следовал сыщик отеля, которого можно было безошибочно узнать по его белой шляпе, ястребиному носу и нарочито утонченным манерам. Арьергард замыкали два ливрейных привратника, которые своим непринужденным видом отклоняли всякое подозрение, что они составляли резервный эскадрон вышибал.

Очутившись в безопасности на тротуаре, Лукулл Польк повернулся и погрозил веснушчатым кулаком в сторону караван-сарая. И, к моей радости, он начал выкрикивать непонятные для меня ругательства.

– Ездит в хаудах,² не так ли? – громко и насмешливо закричал он. – Ездит на слонах в хаудах и называет себя принцем! Хороши принцы – ха-ха! Приезжают сюда и говорят про лошадей так, что вы можете принять их за президентов. А потом возвращаются домой и ездят верхом на слонах. Ладно, знаем мы их!

Вышибательный комитет спокойно ретировался. Поноситель принцев повернулся ко мне и щелкнул пальцами.

– Ну, как вам нравится такое обращение? – с возмущением крикнул он мне. – Гайквар Бароды ездит на слоне в хауде. А старый Бикрам-Шамшер-янг жарит по тропинкам Катманду³

¹ Барода – большой город Индии, к северу от Бомбея, в провинции Гуфкерат.

² Хауда – сиденье, покрытое балдахином, укрепляемое на спине слона.

³ Катманду – столица королевства Непал в Индии.

на мотоциклетке. Ну, не магараджество ли это? А шах персидский, у того, видите ли, привычка разъезжать в паланкинах. А тот, с такой забавной шапкой, принц из Кореи – вы подумали бы, что он может себе позволить прокатиться на белоснежном коне хоть раз во время своего царствования. Ничего подобного! Он находит самым приличным подоткнуть под себя юбки и ехать по Сеулу в телеге, запряженной быками, со скоростью одной мили в шесть дней. Вот какой сорт правителей приезжает к нам теперь в гости. Да, плохие времена теперь, дружище!

Я пробормотал несколько сочувственных слов. Свое сочувствие я мог выразить только общими фразами, потому что я не знал, чем его обидели правители, которые, подобно метеородам, время от времени появляются на нашем небосклоне.

– Последний раз мне удалось продать седло, – продолжал обиженный, – тому турецкому паше, который приехал сюда год тому назад. Он с легкостью заплатил мне за него пятьсот долларов. Я спросил его палача или секретаря – он походил не то на румына, не то на китайца – «его турецкое величество любит, значит, лошадей?»

– Он? – сказал секретарь. – И не думает. У него в гареме толстая, жирная жена, которую зовут Бад-Дора и которую он не любит. Я думаю, он намеревается ее оседлать и ездить на ней каждый день взад и вперед по дорожкам Бульбульского леса. Нет ли у вас парочки особенно длинных шпор, которые вы могли бы приложить нам к покупке? – Так вот, сэр. В наше время среди королей очень мало отважных всадников.

Как только Лукулл Польк немного успокоился, я его подхватил и соблазнил его пойти со мною в прохладный уголок кафе. Для этого мне потребовалось не больше усилий, чем для того, чтобы убедить утопающего схватиться за соломинку.

И когда после долгого ожидания официанты поставили перед нами пиво, Лукулл Польк вдохновился и приступил к изложению причин, почему он осаждаст приемные кабинеты иностранных владык.

– Слышали ли вы когда-нибудь о железнодорожной компании в Техасе? Ну, про нее нельзя сказать, что она благотворительное общество для оказания помощи актерам. Я одно время разъезжал по западным деревушкам с летней труппой актеров из того сорта, которые жуют слова, как табак. Конечно, наше предприятие лопнуло, когда субретка убежала с имевшим шумный успех бивильским⁴ цирюльником. Я не знаю, что случилось с остальной труппой. Я их видел в последний раз, когда я им заявил, что в кассе нашего предприятия было сорок три цента. Правда, я их никогда после этого не видел, но я слышал их еще целых двадцать минут из леса, куда я бежал от их преследований. После наступления темноты я вышел из засады и обратился к агенту железнодорожной компании с просьбой переправить меня бесплатно в ближайший город. Он, от лица всей железнодорожной компании, рассыпался передо мною в любезностях, но посоветовал мне, однако, не садиться в вагон без билета.

Около десяти часов следующего утра я по шпалам дошел до станции Атаскоза-Сити. Я купил себе завтрак на тридцать центов и десятицентовую сигару и стоял на главной улице, побрякивая в кармане оставшимися тремя пенни. Я вконец обанкротился. Положение человека в Техасе, у которого в кармане только три цента, несколько не лучше положения человека, у которого три цента долга.

Один из любимейших трюков судьбы – лишить человека последнего доллара так быстро, чтобы тот не имел даже возможности хорошенько посмотреть на него. И вот я стоял в шикарном костюме из Сан-Луи, в синюю и зеленую клетку, с восемнадцатикаратовым фальшивым брильянтом в булавке, а в перспективе – ничего.

Внезапно в то время, как я стоял на краю деревянного тротуара, с неба упала вниз на середину улицы пара чудных золотых часов. Одни часы попали в кучу грязи и завязли в ней. Дру-

⁴ Севильским.

гие упали на твердую землю, раскрылись, и из них посыпались пружины, колеса и винтики. Я взглянул вверх, ища аэроплана или тому подобное. Но я ничего не увидел, а потому сошел с тротуара, чтобы произвести расследование.

Но тут я услышал крики и увидел двух бегущих мужчин в кожаных куртках, в сапогах на высоких каблуках и в шляпах величиной с колесо телеги. Один из них был ростом в шесть или восемь футов, неуклюжий, и на лице его было выражение безысходной скуки. Он поднял часы, которые упали в грязь. Другой – маленького роста, с рыжими волосами и светлыми глазами – подошел к пустому футляру и заявил: «Я выиграл».

Тогда высокий человек засунул руку в кожаные голенища и подал своему другу горсть двадцатидолларовых золотых монет. Я не знаю, сколько там было денег, но мне показалось, что там было не меньше, чем в фонде для оказания помощи от землетрясения.

– Я напивно этот футляр механизм, – сказал Коротыш, – и снова кину его на пари в пятьсот долларов.

– Идет, – сказал пессимист. – Мы встретимся с вами через час в кафе «Копченая Собака».

Маленький человечек поспешил, подпрыгивая, к ювелирному магазину. Меланхолический же субъект оглянулся и внимательно, как в телескоп, посмотрел на меня.

– Здорово ловкая на вас экипировка, мистер, – сказал он. – Держу пари на лошадь, что вы не приобрели ее в Атаскоза-Сити.

– Конечно нет, – ответил я с полной готовностью познакомиться с этим денежным воплощением меланхолии. – Я заказал этот костюм в Сен-Луи у специалиста по части пиджаков, жилеток и невыразимых. Не будете ли вы добры прояснить меня, – продолжал я, – относительно этого состязания в бросании часов? Я привык видеть, что с часами обращаются с большой вежливостью и уважением – конечно, за исключением дамских часов, которые служат для того, чтобы ими раскалывали грецкие орехи и показывали их на фотографиях.

– Я и Джордж, – объяснил он, – живем на ранчо, и с нами произошла забавная вещь. До последнего месяца мы владели четырьмя участками пастбища на Сен-Мигуэле. Но вот однажды к нам явился какой-то нефтепромышленник и стал бурить почву! Он попал на фонтан, который выбивает двадцать тысяч – а может быть, и двадцать миллионов – бочек нефти в сутки. И я и Джордж получили за землю сто пятьдесят тысяч долларов – по семьдесят пять тысяч на брата. И вот мы время от времени седлаем лошадей и приезжаем на несколько дней в Атаскоза-Сити, чтобы немного встряхнуть себя. Вот малая толика монет, которые я вынул сегодня утром из банка, – сказал он и показал пачку двадцаток и пятидесяток такой величины, как подушка в спальном вагоне. Желтые кредитки блеснули, как солнечный закат на крыше рокфеллеровской риги. Я почувствовал слабость в ногах и уселся на краю дощатого тротуара.

– Вы, должно быть, здорово пошатались по белу свету, – продолжал нефтяной крез. – Я не удивляюсь, если вы видели города, оживленнее Атаскозы-Сити. Иногда мне кажется, что должны быть еще другие способы развлекаться, в особенности если у вас есть достаточно денег и вы не жалуете их тратить.

Затем этот «наивный цыпленок» садится около меня, и мы вступаем в беседу. Оказывается, он был всегда бедняком. Он жил всю жизнь в лагерях при ранчо, и он признался мне, что самой большой роскошью для него казалось прискакать в лагерь усталым после загон скота, съесть гарнец мексиканских бобов, одурманить свои мозги пинтой крепкого виски и улечься спать, подложив под голову сапоги вместо подушки. Вы можете себе представить, что с ним случилось, когда эта куча неожиданных денег свалилась ему с неба.

Он поспешил с товарищем в эту деревушку, громко именуемую Атаскоза-Сити. У них было достаточно денег, чтобы купить все, что бы они ни пожелали, но они не знали, чего они желают. Их представление о мотовстве ограничивалось тремя предметами – виски, седлами и золотыми часами. Они даже никогда не слышали, что на свете существовало что-нибудь другое, на что можно было потратить целое состояние. Поэтому, когда им хотелось поразвлечься,

они приезжали в город, брали адресную книгу, становились перед главной пивной и вызывали население в алфавитном порядке для угощения даровой выпивкой. Затем они заказывали три или четыре новых калифорнийских седла у шорного мастера и играли на тротуаре в орлянку двадцатидолларовыми золотыми монетами. Состязание на пари, кто дальше бросит золотые часы, придумал Джордж; но даже и это становилось им скучным.

Вы, конечно, сейчас же подумали, какой благоприятный случай подвернулся мне. Но слушайте дальше.

В полчаса я набросал картину столичных увеселений, в сравнении с которыми жизнь в Атаскоза-Сити должна была показаться такой же унылой, как поездка на остров Коней с вашей собственной женой. Еще через десять минут мы ударили по рукам в знак согласия, что я буду его проводником, помощником и другом при вышеупомянутых кутежах и развлечениях. Соломон Милльс – так звали его – должен был платить за все издержки в течение месяца. К концу этого срока, если я окажусь хорошим директором-распорядителем веселой жизни, он должен был мне выплатить тысячу долларов. Затем, чтобы подкрепить сделку, мы вызвали всех граждан Атаскоза-Сити и угощали их до тех пор, пока они не свалились под стол, за исключением женщин и несовершеннолетних и одного мужчины, по имени Гораций Уэстервелт Сен-Клер. За то, что он не хотел принимать участия в попойке, мы закидали его тухлыми яйцами и принудили скрыться из Атаскоза-Сити. Затем мы вытащили из постели шорника и сделали ему спешный заказ на три новых седла. После всего этого мы улеглись спать поперек железнодорожного пути у вокзала, только чтобы досадить железнодорожной компании. Подумайте, какое приподнятое настроение должно быть у человека, имеющего семьдесят пять тысяч долларов и старающегося избежать позора умереть богачом в таком городе, как Атаскоза-Сити.

На следующий день Джордж, который был женат или что-то в этом роде, отправился обратно на ранчо. Мы же с Солли, как я теперь его называл, приготовились отряхнуть прах от наших ног и полететь к ярким огонькам веселого шумного Востока.

– Никаких остановок на пути, – сказал я Солли, – за исключением того, сколько потребуются, чтобы вас выбрить. Это вам не Техас, – сказал я, – где вы едите бобы и орете на всю площадь. Теперь вы увидите настоящий хай-лайф. Мы будем жить среди людей, которые держат спицев, носят гетры и ведут жизнь на широкую ногу.

Солли засунул шесть тысяч долларов сотенными билетами в один карман своих коричневых шаровар и на десять тысяч долларов чеков на восточные банки в другой карман. Затем я возобновил дипломатические переговоры с железнодорожной компанией, и мы отправились в северо-западном направлении кружным путем к волшебным садам Востока.

Мы остановились в Сан-Антонио, только чтобы купить Солли подходящую одежду, угостить восьмью кружками пива постояльцев и служащих отеля «Менджер» и заказать четыре мексиканских седла с серебряной отделкой, который должны были быть отправлены на пароходе на ранчо. Из Сан-Антонио мы сделали большой прыжок в Сан-Луи. Мы приехали туда к обеденному времени, и я выбрал из списка городских отелей самый дорогой.

– Ну, – сказал я Солли шутливым тоном, – это первый ресторан, где мы можем получить действительно хорошее блюдо бобов.

Пока он прошел в свою комнату и старался накачать себе воду из газового рожка, я отшел в сторону метрдотеля и сунул ему двадцатидолларовый билет.

– Любезнейший, – сказал я, – со мной здесь товарищ, который несколько лет сидел только на кормовом хлебе и грубой пище. Пройдите к главному повару и закажите для нас такой обед, какой вы подаете главному представителю железных рудников, когда он у вас останавливается. Цена не играет для нас роли. Ну, покажите нам, что вы умеете.

В шесть часов Солли и я уселись за обед. Ничего подобного никогда не было видано! Это был настоящий лукулловский обед. Все подавалось сразу. Метрдотель назвал это *dinнай*

a la poker. Это излюбленный способ среди гурманов Запада. Обед подается по три блюда одного сорта. Нам подали гвинейскую курицу, гвинейскую свинину и гвинейский портер; жареную телятину, черепаший суп из голубя и паштет из цыплят; икру, горошек и тапиоку; фрикасе из утки, фрикасе из ветчины и фрикасе из цыплят; филадельфийский каплун, жареные улитки и джин – и так далее. Вы едите все, что хотите, а потом официант уносит остатки и подает в антрактах груши.

Я был уверен, что Солли будет до крайности восхищен этим сногшибательным обедом после той мерзости, которую он ел на ранчо. И я даже ждал, что он выразит как-нибудь свой восторг, потому что с тех пор, как мы уехали из Атаскозы-Сити, я не помнил, чтобы он почтил мои старания его развлечь хотя бы улыбкой.

Мы сидели в главном обеденном зале, битком набитом нарядной публикой. Все громко и оживленно болтали, а в углу залы весело играл шикарный оркестр. Ну, подумал я, теперь мой Солли увидит прелести жизни и развеселится. Не тут-то было!

Стол, за которым мы сидели, был в четыре квадратных ярда, и было похоже, будто циклон прошелся по скотному двору, курятнику и огороду. Солли встал и, обойдя вокруг стола, подошел ко мне.

– Лукки, – сказал он, – я здорово голоден после нашей поездки. Мне показалось, что вы сказали, будто здесь можно получить фасоль. Я выйду и достану что-нибудь поесть. Вы можете остаться и, если желаете, можете забавляться этой едой.

– Подождите минутку, – сказал я.

Я подозвал официанта, и он расписался на задней стороне счета в тринадцать долларов и пятьдесят центов.

– Что вы думаете, – сказал я ему, – подавать нам всякую дрянь, пригодную только для матросов на миссисипских пароходах? Мы пойдем искать какую-нибудь приличную еду.

Я вышел на улицу с несчастным сыном прерии. Он увидел открытую седельную лавку, и глаза его немного повеселели. Мы вошли в магазин, и он заказал еще два седла и заплатил за них всю сумму вперед. Одно седло было с массивной серебряной отделкой, серебряными гвоздями и бордюром из разноцветных камней. Второе седло было с позолоченной отделкой, позолоченными стременами, а кожа была отделана, где только можно, серебряными бусами. Оба седла обошлись ему в тысячу сто долларов.

Выйдя из магазина, Солли направился прямо к реке, следуя своему чутью. В небольшой боковой улице, где не было ни тротуаров, ни домов, он нашел то, что искал. Мы вошли в харчевню, сели на высокие табуреты среди лодочников и начали есть фасоль оловянными ложками. Да, сэр, фасоль, сваренную с соленой свининой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.